

В. А. Гурко-Кряжин

Английская интервенция 1918—1919 г.г. в Закаспии и Закавказье ¹⁾

1. Английские объяснения причин интервенции

В июле и августе 1918 г. англичане, опираясь на анти-советские партии эс-эров, меньшевиков, дашнакцаканов и др., произвели интервенцию в Закаспии и Закавказье. Интервенция вызвала падение Советской власти в Асхабаде и в Баку, расстрелы 9 закаспийских и 26 бакинских комиссаров и пр. эксцессы.

Каковы же были причины и цели английской интервенции, почти на два года отрезавшей Туркестан и Закавказье от Советской России?

Английские официальные и неофициальные источники дают в этом отношении совершенно определенный и притом стереотипный ответ. Они утверждают, что «когда после большевистского переворота в ноябре 1917 г. русские войска стали уходить из Северной Персии, то сделалось очевидным, что на правом фланге британской месопотамской армии образуется брешь на пространстве почти 450 миль, сквозь которую турецкие и немецкие агенты и войска смогут беспрепятственно наводнять Центральную Азию ²⁾. В Туркестане к прорвавшимся турко-немецким отрядам должны были присоединиться десятки тысяч интернированных там германских и австрийских военно-пленных, после чего вся эта лавина, увлекая по пути антиантантовские элементы (вроде «лесных братьев» Кучик Хана и персидских демократов), покатила бы в сторону Афганистана и далее в Индию. Английский генерал, дипломат и историк Перси Сайкс заявляет: «110.000 немецких и австрийских военнопленных были интернированы в русском Туркестане; я видел сотни их в Ташкенте в 1915 г., и в случае установления сообщения было бы сравнительно легко реорганизовать этих испытанных ветеранов в грозную силу и итти маршем на Кабул, пригласив афганцев принять участие в богатой добыче при грабеже Индии» ³⁾. «Кровь стынет в жилах,—патетически восклицает ген. Денстервиль,—при мысли о том, как близки они (т.-е. немцы) были к этим гигантским успехам» (стр. 152).

Необходимо разобраться, насколько основательны были опасения англичан и насколько именно они подсказали план интервенции в Закаспии и Закавказье.

Несомненно, что вплоть до 1917 года указанные страхи действительно влияли на английские политические и военные круги. В течение первых трех лет мировой войны существовала реальная опасность прорыва

¹⁾ Статья написана, главным образом, на основании следственных материалов Верховного Суда СССР, к которым автор получил доступ в качестве историка-эксперта по делу Ф. Фунтикова.

²⁾ Gen. Dunsterville. The Adventures of Dunsterforce. 1920. На русском языке книга ген. Денстервиля вышла под заглавием „Британский империализм в Баку и Персии 1917—1918 г.г.“. Изд. „Советский Кавказ“.

³⁾ P. Sykes. A History of Persia. 1921., т. II, стр. 487.

войск и агентов центральных держав в Индию через Афганистан, который придерживался чрезвычайно двусмысленной и ненадежной политики по отношению к Англии. Эмир-Хабиб-улла почти открыто заявлял, что он готов выступить против Англии, если на его территории окажется хотя бы один турецкий корпус. В соседних западных областях Индии (гл. обр. в Пенджабе) уже в 1915 г. развернулось массовое революционное движение, имевшее несомненную связь с Афганистаном ¹⁾.

С целью предотвратить эту грозную опасность англичане во все время войны, ценою огромных усилий, поддерживали два военных заслона, один на западной, другой на восточной границе Персии. Северные участки этих кордонных линий оборонялись русскими войсками, которые, таким образом, по словам П. Сайкса, «препятствовали Германии, Австрии и Турции приблизиться к границам Индии» ²⁾.

Однако оставалась ли в течение 1918 года эта угроза Индии настолько реальной, чтобы обусловить активные операции англичан в этом году? Необходимо отметить, что, благодаря указанным фактам, падающим на первые три года мировой войны, английская концепция интервенции, как «защиты Индии от германско-турецкой опасности», приобретает кажущееся правдоподобие ³⁾. Однако если мы внимательно проанализируем английское утверждение, то мы убедимся, что оно является лишь искусной ширмой, прикрывающей истинные цели британского империализма.

В самом деле, прежде всего если разложение русской армии после февральской революции вызвало крушение западного персидского кордона, то в течение всего 1917 и 1918 г.г. оставался совершенно несокрушимым восточный английский заслон, идущий от Мешхеда (через Бирджан) к персo-белуджистанской границе, соединенной, кстати, вновь отстроенной железной дорогой — с англо-индийской базой в Нушки. К началу 1918 г. успехи английских войск в Месопотамии вообще сделали невозможными сколько-нибудь широкие операции турецких войск в сторону Персии. 17 марта 1917 г. англичане берут Багдад, спустя месяц (23/IV) г. Самарру на Тигре, 9 мая 1918 г. Керкук, оттесняя к северу оперировавший в этом районе 18 турецкий корпус и вызывая, таким образом, отход 13 турецкого корпуса, оперировавшего в северо-западной Персии.

Материальное и моральное состояние турецких войск к началу 1918 г. исключало всякую возможность такой грандиозной операции, как движение их через все Иранское плато на Индию. Утомленные бесконечной войной, понесшие только что ряд поражений от русских и англичан, голодные и полуодетые турецкие войска были совершенно неспособны к сколько-нибудь серьезным наступательным действиям. Занятие Тавриза (1 мая 1918 г.), оставленного русскими войсками, и Урмии, покинутой айсорами (31/VII—18 г.), в течение 3 месяцев успешно отражавшими натиск турок и курдов, таковы были единственные успехи турок в Персидском Азербайджане.

Ничто так ярко не рисует полного разложения турецких войск, как их отношение к экспедиции героя бакинской интервенции ген. Денстервиля. В начале 1918 г. этого типичнейшего колониального офицера-авантюриста, кстати изображенного Кипплингом в одном из его патриотических рассказов в качестве «твердого как ствол» (stalky) британца, спешно напра-

1) В. Гурко-Кряжин. Революционное движение в Индии. Сборн. «Индия в борьбе за независимость». Изд. Научной Ассон. Восток, при ЦИК СССР. М. 1925. Стр. 65—69.

2) Несмотря на эти меры, небольшим немецким партиям все же удавалось пробраться в Афганистан, но благодаря их малочисленности, пребывание их в Кабуле имело лишь агитационный характер (см. недавно вышедшую книгу начальника немецкой миссии в Афганистане кан. О. Нидермейера. *Unter der Glutsonne Irans*. 1925).

3) Благодаря этому на «английской» точке зрения еще недавно стоял и автор настоящей статьи в книге «Краткая история Персии». Изд. Прометей. М. 1925, стр. 72—77.

входят во главе военной миссии через Зап. Персию в Закавказье, чтобы реорганизовать распавшиеся единицы русской, грузинской и армянской армий и тем самым восстановить фронт против турок. Первая попытка Денстервиля пробиться в Закавказье оканчивается неудачей, благодаря сопротивлению со стороны военно-революционного комитета в порту Энзели, действующего по директивам из Баку. После этого Денстервиль решает перезимовать в Северной Персии, заполнив, кстати, своим незначительным отрядом тот прорыв, который образовался после ухода русских войск. Несмотря на то, что его отряд, укрепившийся в Хамадане, состоял всего из 12 офицеров, 41 солдата и 1 брониров. автомобиля, турки, находившиеся от него всего в 100 милях, в течение 3 месяцев не делали никаких попыток к нападению. Перечисляя опасности, угрожавшие ему, Денстервиль упоминает о кочующих племенах, о профессиональных грабителях, о жителях города, одним словом о всех... кроме турок. Впрочем он сам дает исчерпывающую характеристику внутреннего состояния турецкой армии. «Во все время нашей стоянки в Хамадане, — пишет он, — в каких-нибудь ста милях от нас находился турецкий консул с военной силой, достаточной для того, чтобы стереть нас с лица земли. Но после падения Багдада воинственный дух окончательно покинул турок, а гиперболические сведения о моих силах (?) заставляли консула бояться меня больше, нежели я боялся его». Позже, описывая операции турок против Баку, Денстервиль принужден признать, что «плохое моральное состояние турецких войск и разногласия между турками и немцами дают нам большое преимущество» ¹⁾. Впрочем, не только заявления тех или иных английских генералов, но и реальные факты доказывают, как они на деле относились к «германо-турецкой опасности Индии». В конце июня 1918 г., т.-е. как раз накануне бакинской операции Денстервиля (против 12.000 турок), несмотря на то, что англичане располагали в то время в Северной Персии ничтожными силами, он перебрасывает из Энзели отряд сипаев в Закаспий (29/VII 1918 г.), где никогда не было ни одного турецкого или германского солдата.

Что касается участия немцев в турецких авантюрах, то, как известно, оно было совершенно исключено происшедшим в то время отвлечением всех сил Германии на западный французский фронт, а также резко отрицательным отношением германского командования к пан-тюркистским фантазиям Энвер-паши и его единомышленников. Мемуары Людендорфа и Гинденбурга ярко рисуют картину тех трений, которые происходили в 1918 году между немцами и турками из-за империалистических стремлений последних в Закавказье. Турецкое командование, под предлогом реализации Брест-Литовского договора, действительно предприняло в то время энергичную оккупацию Закавказья. Легко преодолев бутафорское сопротивление Закавказской Республики, разбив ее на три «самостоятельных государства: Грузию, Армению и муссаватистский Азербайджан, турки стремились к захвату Баку, где в то время укрепились Советская власть ²⁾. Дальше им мерещилось восстание мусульман Средней Азии и образование огромного пан-исламистского государства, в масштабе старинных турецких империй сельджуков и Тамерлана.

Германское командование, однако, не только резко осуждало безбрежные фантазии младотурок ³⁾, но оно активно боролось против турец-

¹⁾ Денстервиль. Ук. кн., стр. 160.

²⁾ Подробности о событиях в Закавказье в эпоху 1918 г. см. в моих статьях: „Азербайджан“ (историч. очерк) и „Армянский вопрос“ в Большой Советской Энциклопедии; там же приведена библиография вопроса.

³⁾ „Панисламистское движение грозило отвлечь Турцию на ложный военный путь. После революции в России панисламизм стремился распространиться в направлении к Кав-

кого наступления на Баку. Последний, по дополнительному соглашению к Брест-Литовскому договору, был оставлен за Советской Россией, и немцы предпочитали мирно получать от нее обусловленное количество нефти, нежели передавать мировой город в руки своего непослушного и чересчур зарвавшегося «союзника». Знали ли впрочем об этих трениях англичане? Несомненно. «Турки устали от войны, устали от немцев и у них нет денег. Немцы же постоянно ссорятся с турками, и доставка войск у них встречает больше затруднений, нежели у нас. Турки стремятся захватить Баку, тогда как немцы не хотят позволить им этого». Но если это так, то легко увидеть, как без остатка рушится все построение «немецко-турецкой угрозы Индии», идущей через Закавказье и Закаспий к Афганистану.

Особенно фантастической представляется угроза вражеского нашествия через территорию Закаспия. Любопытно, что английские военные авторитеты не могли договориться даже по вопросу о размерах этой опасности. В то время, как «Британская Энциклопедия»¹⁾ определяет число пленных германо-австрийцев, интернированных в Туркестане, свыше ста тысяч, П. Сайкс точно фиксирует цифру в 110.000 чел., а Денстервиль совершенно неожиданно определяет количество их в 30.000 чел.

Но независимо от количества этих мифических «ветеранов» и для немцев и для англичан невозможность переброски турецкой армии через Каспийское море была, конечно, совершенно очевидной по той простой причине, что для этого нехватало главного орудия, а именно десантного флота. Не говоря о том, что наличного Каспийского флота вообще не хватало для подобной операции, легко можно было предугадать, что в случае взятия Баку турками вся флотилия заблаговременно скроется в различных портах Каспийского моря. Как известно, так и случилось в сентябре 1918 г. при взятии турками Баку, и поэтому весь план турецкого десанта в Красноводске является неловкой выдумкой, рассчитанной на панический страх английского обывателя.

2. Истинные причины интервенции

Как мы видим, «германо-турецкая опасность Индии» уже к началу 1918 года являлась для самих же англичан совершенно нереальной угрозой, той идеологической ширмой, которая должна была скрыть действительный смысл их операции в Баку и Закаспии. Для того, чтобы понять события этого важного и загадочного периода, мы должны рассматривать их не в узко-локальном окружении, а на фоне тех политико-экономических факторов, которые тысячу нитей всегда связывали и связывают Закавказье и нашу Среднюю Азию с пограничными восточными странами, в особенности с Персией и Афганистаном (характер и направление морских и сухопутных путей, экономическое взаимодействие, наличие таких естественных ресурсов, как нефть, географическая конфигурация и т. п.). Чтобы выяснить истинный характер английской интервенции, мы должны поэтому исходить не от дутых страхов, усиленно культивируемых самими же англичанами, а от той реальной, военно-политической обстановки, которая к этому моменту сложилась в указанном комплексе территорий.

Вкратце эта обстановка сводилась к следующему. Уже до войны, как известно, Англия ожесточенно боролась с царской Россией из-за Персии, при чем в результате мировой сделки между ними (соглашение

казу; он стремился даже в Закаспий и, наконец, потерялся в огромных пространствах Центр. Азии, куда проник в фантастическом желании присоединить тамошних единоверцев к османскому государству". Ген. Гинденбург: „Воспоминания“. О немецко-турецких трениях в конце мировой войны см. Людендорф: „Мои воспоминания о войне 1914—1918 г.г.". Изд. ГВНЗ, т. II.

¹⁾ Encyclopedia Britannica. 32. „Persia“.

1907 г.) страна оказалась поделенной на зоны влияния: русскую, английскую и нейтральную. С началом мировой войны последняя, заключающая всю центральную Персию, была закреплена за Англией, взамен компенсаций, полученных Россией в проливах. В течение всей мировой войны мы видим, как Англия, не ограничиваясь чисто бумажным закреплением за собой части персидской территории, производит непрерывную оккупацию ее своими войсками. В течение трех лет (1916—1918) небольшой англо-индийский отряд Перси Сайкса «умиротворяет» южные и центральные провинции Персии, изгоняя антианглийские элементы, подчиняя непослушные племена, всюду размещая английские гарнизоны, а также создавая англо-персидские отряды, так наз. южно-персидских стрелков. Одновременно, как указывалось выше, англичане доводят индийскую железнодорожную магистраль до персидской границы (до пункта Дузбад), прокладывая отсюда авто-шоссейную дорогу до Мешхеда, обеспечивая таким образом свою экспансию в восточной Персии.

Февральская и особенно Октябрьская революция открыли для английского империализма совершенно неожиданные, можно сказать, неслыханные перспективы. В добавление к уже оккупированным южным и центральным провинциям они могли теперь легко присоединить и наиболее богатые северные провинции, в течение десятков лет находящиеся в частичной русской оккупации. Вся Персия становилась, таким образом, достоянием английского империализма, и несомненно, что именно в этот период был задуман англо-персидский договор, заключенный в августе 1919 г. и юридически оформляющий это положение вещей.

Но на пути фактического присоединения Персии к своей империи, англичане встретили очень серьезного врага, а именно персидского националиста-революционера Кучик-хана, ведущего из своей базы, гилянских лесов (по-персидски «дженгель»), борьбу против тегеранского правительства и иностранного вмешательства в дела страны. Как раз в 1918 г. Кучик-хан значительно усилился, получив от немцев и турок военное снаряжение и нескольких инструкторов, а также скупив за бесценок оружие у уходящих русских войск. Несмотря на тенденцию англичан описывать движение Кучик-хана, как чистейшую бутафорию, на самом деле оно представляло весьма серьезную опасность для их планов.

Как раз в начале 1918 г. Кучик-хан делал попытки наступать на Казвин и далее на Тегеран для низвержения продавшегося англичанам центрального правительства. «Если бы Кучик-хан сумел это сделать,—принуждены признать сами англичане,—то Тегеран поднял бы знамя дженгелийцев (т.-е. гилянских «лесных братьев»), и на следующий день вся Северная Персия ускользнула бы от нас. На Востоке маленькие успехи разрастаются подобно пламени, а к тому же сторонники дженгелийцев имеют за собой часть персидского кабинета. Успех окончательно склонил бы на их сторону всех колеблющихся, и в Персии началась бы новая революция».

Всего же опаснее для англичан представлялась наметившаяся в этот период связь между Кучик-ханом и Советским Баку, осуществляемая через уже упоминавшийся Энзелийский военно-революционный комитет. Эта связь, возобновленная два года спустя после окончательной советизации Баку, действительно существовала, и для англичан она представлялась грозным симптомом поддержки революционной Россией антианглийских движений в Персии. Именно этот реально-политический «бакино-персидский фактор», а не искусственно раздуваемые опасения «угрозы Индии», явился одной из причин английской интервенции в Закавказье и Закаспии.

Англичанам надо было во что бы то ни стало изолировать облюбованную ими Персию от России, ставшей еще более грозной после того,

как она стала распространять большевистские лозунги, «отравляющие» сознание народов Востока и в частности Персии. Достигнуть же этого можно было лишь путем насильственной ликвидации советской власти во всех территориях, имеющих выход к Каспийскому морю и, таким образом, географически связанных с Персией. Работа англичан в Персии не оставляет сомнения в существовании у них этого плана. В августе англичане, накопив силы, ликвидируют энзелийский военно-революционный комитет, «который сделался уже анахронизмом». Членов ревкома обвиняют в сношениях с дженгелийцами и отправляют под конвоем, повидимому, в Багдад. Незадолго до этого Советское правительство пытается устроить дипломатическое представительство в Тегеране, направив туда, через посредство С. Шаумяна, тов. Коломийцева. Вокруг советской миссии ведется неслыханная по ожесточенности борьба. Персидское правительство, под давлением англичан, отказывается признавать миссию. В ноябре (3) 1918 г. шайка персидских казаков, под предводительством царского консула Гильдебрандта, нападает на советскую миссию и громит ее; сам Коломийцев бежит, но секретаря его Караханяна арестовывают и отправляют в Багдад, а оттуда в Индию. Когда т. Коломийцев делает вторую попытку обосноваться в Персии, англичане, совместно с белогвардейцами, бросают его в тюрьму, а затем расстреливают (в авг. 1919 г. ¹). Эта систематическая неумолимая борьба с агентами Советской власти на территории Персии достаточно доказывает, какое значение англичане придавали полной изоляции последней от революционной России. Недаром Британская Энциклопедия, указав на «опасность Индии», в дальнейшем вынуждена заявить: «В действительности угроза оказалась неосуществленной, но бригада британских войск была оставлена в Казвине защищать Персию против большевиков и препятствовать закрытию главной дороги в Персию» ²).

Второй территорией, которую англичане стремились изолировать от революционной России, был Афганистан. Несомненно, что уже в 1918 г. здесь складывалась та политическая обстановка, которая в следующем году вызвала политический переворот (свержение Хабиб-уллы-хана прогрессивно настроенным Амман-улла-ханом) и последующее об'явление войны Англии, сопровождавшееся попыткой вторгнуться в Индию. Мало того, репрессии, которые в конце мировой войны были применены британской администрацией против беспокойных мусульман Индии, вроде запрещения им собираться на моления, вызвали оживленный отклик во всей Средней Азии. В Туркестане необычайно развивается панисламистская пропаганда. В Ташкенте образуется тайный исполнительный мусульманский комитет (из 24 чел.), преследующий цель об'единения всех правоверных под властью эмира Афганистана. Агенты последнего, а также указанного комитета, начинают оживленную пропаганду в Персии, Индии, Бухаре, Фергане и др. местах. Чрезвычайно важным фактом, с которым мы встречаемся в донесениях этих агентов, представляется вполне осознанная необходимость координировать силы панисламистов и Афганистана с Советской властью. «Время не терпит, — пишет один агент, — и во имя долга об'единения нужно крепко, хотя и на время, об'единиться с могущественным пролетариатом (бедняками) и большевиками, а дальше также необходимо об'единиться с Персией». Намечается даже следующая практическая программа ближайших действий: 1) преградить путь на Мешхед со стороны Асхабада для англичан; 2) дать большевикам небольшую помощь для занятия Красноводска; 3) дать знать туркменам, при помощи воззвания, о планах англичан и их приготовлениях в Мешхеде, Баку и в других местах и вслед за тем послать

¹) Подробности у С. Иранского. Страничка из истории красной дипломатии. Ж. „Новый Восток“ № 8/9.

²) Т. 23, ук. статья, курсив мой.

1—2 тысячи регулярных войск под девизом освобождения и охранения мусульман Туркестана и особенно священной Бухары ¹⁾).

Сближение, намечавшееся между Советским Туркестаном и возрождавшимся Афганистаном, совершенно недвусмысленно готовящимся к войне против Англии, не могло не встревожить сильнейшим образом последнюю. Можно без преувеличения сказать, что в 1918 и особенно 1919 г. перед англичанами внезапно появился призрак единого революционного фронта, идущего от Баку на Энзели, Закаспий, Туркестан и Афганистан, целиком охватывающего с севера британский империалистический фронт, простирающийся от Багдада до границ Индии. С этой точки зрения, операции англичан в Баку и Закаспии имели целью разорвать этот фронт, разбить его на разрозненные, ослабленные звенья.

Помимо главного стимула: стремления к полному подчинению Персии и изоляции ее, так же, как и другой «опасной» территории — Афганистана. от революционной России, были и другие второстепенные мотивы, обусловившие английские операции в Закаспии и Закавказье.

Совершенно несомненно, что англичане боялись, что захват бакинской нефти турками значительно усилит обороноспособность центральных держав, как известно, хронически переживавших нефтяной голод. Наблюдалось в этот период и усиление турко-немецкого влияния в Закавказье (особенно в Грузии и Азербайджане), представлявшее весьма опасное явление при неизвестности исхода войны. С этой точки зрения первая миссия Денстервиля, как мы видели, представляла попытку мобилизации всех «здоровых» антантофильских сил Закавказья, под эгидой Англии, для преграждения сюда доступа туркам и немцам. Здесь мы встречаемся с «закавказским» на ряду с вышеуказанными «персидским» и «афганским» аспектами английской интервенции 1918 года. Помимо указанных факторов, в дальнейшем, в особенности в связи с успехом интервенции в Закаспии, появился целый ряд новых импульсов, с которыми мы познакомимся позже.

3. Ход интервенции в Баку

Вышеуказанные общие тенденции английского империализма не только вызвали интервенцию 1918—1919 г.г., но и придали ей однородный характер в Закаспии и Закавказье. Одновременность английских операций (16/VII—переворот в Асхабаде, 31/VII—переворот в Баку), применение тех же военно-политических методов, полное тождество преследуемых целей — все это превращает действия англичан в Персии, Закавказье и в Закаспии в сущности в одну общую, внутренне объединенную операцию. С этой точки зрения необычайно интересен подготовительный период английской интервенции.

Правда, в воззваниях, манифестах и вообще в официальных документах англичане всегда усиленно подчеркивали исключительно военный характер экспедиции, исключаяй всякую возможность «вмешательства во внутреннюю жизнь» Закавказья и Закаспия. Однако с характерным цинизмом истинный характер этого невмешательства разоблачает сам же герой интервенции Денстервиль: «Для того, чтобы быть любезными Баку, мы должны были придерживаться исключительно платформы невмешательства во внутренние дела революционеров» ²⁾. Там же, где любезничать не приходилось, истинный характер английских операций проявлялся с полной очевидностью.

¹⁾ Дембо. Религиозно-политические взаимоотношения в сопредельных с Туркестаном странах в 1918—1919 г.г. Ж. „Военная Мысль“. Орган Реввоенсовета Туркфронта. 1921. Кн. 3.

²⁾ Денстервиль, указ. кн., стр. 181, 9, 66, 110.

Характерно, что, отправляясь в свое авантюристическое путешествие в Закавказье, Денстервиль включает в свой небольшой отряд русских белогвардейских офицеров, вряд ли необходимых для намечавшейся борьбы с германо-турками. «К назначенному кадру английских офицеров присоединены были еще и отличные русские офицеры, присланные из Лондона, а также и другие русские беженцы из революционной России, которые присоединились ко мне позднее и чьи услуги были для меня очень ценны ¹⁾. Указанные «беженцы» являлись тоже офицерами, «бежавшими» от бакинских большевиков. Последнее обстоятельство помогало нам быть в курсе бакинских событий; двое из офицеров были сейчас же отправлены с секретным поручением... Они мне нужны на случай нашей будущей интервенции на Кавказе. А пока что они мне полезны для целей налаживания связи с Баку и собирания нужных сведений».

Мы можем прекратить наши выписки, так как для нас совершенно ясна первая группа помощников Денстервиля: это русское, контрреволюционное офицерство, занимавшееся полигическим и военным шпионажем, по указке английского штаба, в предвидении, говоря словами самого Денстервиля, грядущей интервенции в Закавказье.

Не менее интересна была вторая сила, на которую опирался Денстервиль, а именно, полковник (а впоследствии английский генерал) Бичерахов. Типичный ландскнехт, командир сводных казачьих частей в Персии, спасшихся от разложения, Бичерахов оказал совершенно неоценимые услуги англичанам. Получив от них финансовую помощь, он в течение всей зимы 1918 г. оборонял северную Персию от турок, затем разбил отряды Кучикхана и, таким образом, открыл для экспедиции Денстервиля путь к Каспийскому морю. Однако он явился преданным союзником Англии не только в Персии, но, что для нас чрезвычайно важно, и в Закавказье. Даже при наличии тех скудных данных, которыми мы располагаем, все же является возможность установить, что именно Бичерахов являлся в течение 1918 и отчасти 1919 г. г. главным рычагом британской политики в Закавказье. Уже договор, заключенный в марте 1918 г. Денстервилем с Бичераховым, содержит следующий многозначительный пункт (§ 5): «Если Бичерахов окажет мне должное содействие в Персии, то мы совместно выработаем план позднейших действий на Кавказе, где моя помощь будет ему не менее ценна, чем его мне» ¹⁾. Спустя несколько месяцев это обещание было действительно выполнено обеими сторонами: «Мы выработали с Бичераховым дальнейший план совместных действий». Наконец, несколько позже Денстервиль едет в Энзели (в начале июля), где он приходит с Бичераховым к полному соглашению относительно планов дальнейших совместных действий, «на которые я возлагаю большие надежды и о которых я здесь умолчу». Несмотря на скрытность, проявленную здесь вообще болтливым Денстервилем, мы можем отчасти проникнуть в те планы, которые разрабатывались им совместно с Бичераховым. Последний должен был тем или иным способом вернуться на Кавказ, чтобы ликвидировать дезертирское настроение среди своих казаков и начать борьбу против советской власти. В этом его интересы действительно вполне совпадали с задачами англичан. С этой целью он решает прикинуться большевиком, не видя, по собственному признанию, другого способа добраться до Кавказа. Этот план не только не встретил противодействия, но был с энтузиазмом воспринят английским генералом.

«Он (Бичерахов) вызвал большое изумление и ужас среди местных русских, присоединившись к большевикам, но я уверен, что он поступил совершенно правильно; это был единственный путь на Кавказ, а раз он

¹⁾ Денстервиль, указ. кн., стр. 67, 150, 164.

только там утвердится, то дело будет в шляпе»¹⁾. Секрет этого энтузиазма становится совершенно ясным в свете тех событий, которые развернулись в Баку в течение последующего месяца.

Выработав свой предательский план, Бичерахов обращается с письмами: в Бакинский Совнарком, в которых он заявляет о своем признании бакинской советской власти, одобряет политику Баксовета и предлагает свою военную поддержку. Находясь в безвыходном положении, под угрозой наступающей турецкой армии, поддерживаемой грузинскими меньшевиками²⁾, при наличии провокаторской политики, проводимой дашнаками и эс-эрами внутри города и на фронте, Бакинский Совнарком принужден был принять услуги Бичерахова, «у нас получилось впечатление,—заявляет С. Шаумян,—что Бичерахов свое заявление делает честно и искренне»³⁾.

Это было неудивительно. С целью замаскировать свои истинные цели, Бичерахов обращался к Баксовнаркому с письмами, содержащими разные выпады против англичан, с которыми, как мы видели, вплоть до отъезда он вел тайные переговоры о совместных действиях. «Я советую Бакинскому совету не вешаться англичанам на шею,—писал он,—напротив, нужно принять все меры, чтобы англичане не появились в Энзели»³⁾.

В результате между ним и Советской властью заключается условие, по которому Бичерахов признает Советскую власть, как всероссийскую, так и бакинскую, взамен он назначается командующим одной из частей Красной армии.

Лишь только Бичерахов появился в Баку, кстати в сопровождении 5 английских офицеров и отряда броневиков, как дело англичан действительно оказалось «в шляпе». В течение месяца (июля) он сражается против турок, но затем под фиктивным предлогом опасности, угрожающей со стороны недоверяющей ему Советской власти, он отходит сначала на Сумгаит, а затем к Дербенту, обнажая таким образом оборонительную линию Баку (30 VII 1918 г.). Несомненно, что этот маневр являлся чисто провокационным, заранее обдуманым, так как на следующий день после этого падает советская власть, и англичане получают приглашение прибыть в Баку. В дальнейшем, уже оккупировав Баку, Денстервиль делает попытку вновь наладить связь с Бичераховым, но она рушится, благодаря удачным действиям красного астраханского флота. О характере предполагавшихся совместных действий англичан и Бичерахова мы можем судить по следующей фразе самого Денстервиля: «Большевики, конечно, достигли большого успеха, помешав моей встрече с Бичераховым, которая могла иметь для них самые серьезные последствия»⁴⁾.

Наконец, третьим союзником англичан являлись бакинские соглашательские партии, в особенности эс-эры и дашнакцаканы. Деловые сношения с этими группами начались, повидимому, очень давно, возможно, через посредство упоминавшихся выше белогвардейских офицеров. По крайней мере, достигнув в первый раз Энзели в середине февраля 1918 года, Денстервиль уже ждет «признаков помощи с того берега». В дальнейшем англичане устанавливают с эс-эрами регулярные сношения. «Связь у меня была налажена при посредстве почти ежедневных курьеров, и наши друзья, социал-революционеры, казалось, были в состоянии произвести в скором времени *coup d'état*, т. е. свергнуть большевиков, установить новую форму

¹⁾ Там же, стр. 164.

²⁾ Грузинское меньшевистское правительство откомандировало в распоряжение мусаватистов 500 офицеров-инструкторов для борьбы против Советского Баку. Когда последний был взят турками, в обстановке армянского погрома грузинский военный министр Георгадзе поздравил Нури-пашу с изгнанием узурпаторов-большевиков.

³⁾ С. Г. Шаумян. Статьи и речи. Изд. „Бакинский Рабочий“. 1925. Стр. 205.

⁴⁾ Денстервиль, ук. кн., стр. 221, 159, 163—164.

правления в Баку и пригласить на помощь англичан» ¹⁾. Целый ряд фактов доказывает насколько тесными были сношения англичан с «их друзьями» эс-эрами. Они знали, например, об их планах свержения Советской власти в Астрахани, об их отказе работать в Баку с Советской властью и т. п. Совершенно несомненно, что руками эс-эров англичане собирались, конечно, на ряду с другими агентами, низвергнуть советскую власть. «Я неоднократно вел переговоры с представителями партии с.-р., программа которых гораздо больше соответствует нашим целям и по своему существу она созидательна, тогда как программа советской власти чисто разрушительная. Они хотят нашей помощи, особенно финансовой. Я поддерживаю дружественные отношения с с.-р., и они знают, что смогут во многом рассчитывать на нас, если захватят власть в свои руки» ¹⁾.

Таковыми же тесными и интимно-дружественными были отношения англичан с дашнакцаканами. Уже за 3 месяца до падения советской власти к Денстервилю приезжает из Баку армянин-доктор, по поручению Армянского Национального Совета, «просящего английской помощи и советуемого немедленно двинуться на Баку». Вся тактика дашнакцаканов накануне падения советской власти может быть понята лишь при условии согласования их действий с англичанами, как это имело место с Бичераховым. Стремясь низвергнуть советскую власть, они, как известно, прибегали к своеобразному военному саботажу. Под совершенно фиктивными предложениями (отсутствия обмундирования и т. п.) они отказывались занимать назначенные им позиции, совершенно самовольно покидали их и т. п. Недаром С. Шаумян в одной из своих речей заклеил эту тактику, как «безусловное предательство армянских частей, вернее, их руководителей из Армянского Совета». В назначенный английским командованием час, одновременно с уходом Бичерахова, командующий войсками Аветисов требует посылки к туркам мирной делегации, указывая, что город не может продержаться более нескольких часов. Эта двойная провокация Бичерахова и дашнакцаканов, на ряду с агитацией эс-эров и меньшевиков, вызывает падение советской власти. Не проходит и нескольких суток после этого, как вождь дашнакцаканов, известный четник Амазасп, гонит своих зенворов на позиции и отбрасывает атаки турок...

При наличии такой необычайно благоприятной ситуации неудивительно, что англичане до 31/VII руками своих агентов пытаются ускорить низвержение советской власти, устраивая заговоры, организуя шпионаж и т. п. В центре этих интриг находится английский консул в Баку Мак Донель, непрерывно снабжающий Денстервиля секретными сведениями о положении дел в городе. В середине июня советская власть раскрывает заговор, несомненно, подстроенный англичанами и имеющий своей целью арест С. Шаумяна, роспуск Баксовета и заключение соглашения о военной помощи с англичанами, «которые на днях прибывают в Баку». Документы, захваченные при раскрытии заговора, обнаружили участие в нем английского консула, крупного царского чиновника Джунковского и других лиц. Как выяснило следствие по делу Ф. Фунтикова, один из инициаторов заговора, эс-эр Кириченко, ездил к англичанам в Энзели, вел с ними письменные сношения и т. п. Недаром С. Шаумян указывал в своем воззвании к бакинским рабочим (опубликов. 18/IX) на предательство со стороны наемников английского империализма, которые «проникли во флот, убеждая двинуть пароходы в Энзели для доставки английских войск».

В ночь с 31/VII на 1/VIII 1918 г. Советская власть в Баку пала и была заменена диктатурой Центрокаспия, состоящей из представителей соглашательских партий. «Едва только новое правительство успело взять бразды правления в свои руки, как согласно выработанному уже плану

¹⁾ Денстервиль, ук. кн., стр. 221, 159, 163—164.

послало к нам гонцов о помощи»¹⁾). Действительно, буквально в тот же вечер, когда Совнарком сложил свои полномочия, возложив всю ответственность за падение советской власти на национальные и противосоветские партии, в Энзели было послано 40.000 пудов бензина для англичан, а также особая делегация²⁾). Официальная Британская Энциклопедия с эпической простотой и лаконичностью описывает английские операции в Баку в 1918 г. «Около этого времени большевистское правительство в Баку было низвергнуто и заменено диктатурой Центрокаспия, которая просила британской помощи. Денстервиль перебросил свои силы в Баку, оборонял его в течение нескольких недель против преобладающих турецких сил, препятствуя врагам эксплуатировать нефтяные колодцы, не подпуская их также к Каспийскому морю, но в конце концов эвакуировал Баку и вернулся в Энзели, закончив, таким образом, этот доблестный эпизод войны»³⁾).

Приведенные выше факты рисуют несколько иную картину английской операции в Баку в течение 1918 года. Они неопровержимо доказывают, что: 1) действия английских войск под командой Денстервиля являлись почти неприкрытой интервенцией во внутреннюю жизнь Советской России; 2) совершая ее, англичане блокировались с белогвардейским офицерством, провокатором и предателем Бичераховым и антисоветскими партиями эс-эров, дашнакцаканов и меньшевиков; 3) падение советской власти произошло не в результате внутренней политической борьбы в Баку, а было совершенно планомерно подстроено англичанами через посредство собственных агентов, а также через указанных помощников; 4) приглашение англичан в Баку фактически произошло не после переворота, а задолго до него, в результате беспрерывных сношений с антисоветскими партиями; 5) организуя низвержение советской власти, англичане обещали взамен своим сторонникам в лице соглашательских партий военную, а также финансовую поддержку; 6) оккупация Баку являлась одним из этапов борьбы с советской властью, которую предполагалось вести на территории всего Кавказа при помощи Бичерахова и чехо-словаков, пропуска которых через Астрахань требовало правительство Центрокаспия и др. контрреволюционных сил.

4. Ход интервенции в Закаспии

Интервенция в Закаспии совершилась совершенно по тому же рецепту, как и в Закавказье. В этом нет, разумеется, ничего случайного: ведь как мы указывали выше, обе эти интервенции были внушены одними и теми же тенденциями английского империализма и могут рассматриваться, как одна общая операция.

Чрезвычайно любопытно, что для объяснения причин и целей Закаспийской интервенции, англичанам явно нехватает трафаретного аргумента о «германо-турецкой опасности Индии», и они дают гораздо более откровенную версию.

Британская Энциклопедия описывает операции ген. Вильфреда Маллесона в 1918—19 г.г. в Закаспии в следующих словах: «Не довольствуясь противодействием туркам в Баку, вторая миссия была послана по только что отстроенной железной дороге Дуздаб—Нушки и затем через Сеистан и Мешхед в Закаспий, чтобы оказать помощь туркменам и русским, которые под именем меньшевиков пытались остановить поток большевизма... Много подвигов (*galant deeds*) было совершено маленькими британскими отрядами, сражавшимися вдоль Средне-Азиатской ж. д., а также командой

1) Денстервиль, ук. кн., стр. 184.

2) Сборник „Из прошлого Баку“. Издпарт. Аз. К. П. 1924.

3) Encyclopedia Britannica. 32. „Persia“.

командора Д. Т. Норриса, который оперируя от Красноводска прогнал большевистский флаг на Каспийском море»¹⁾. Высоко-официозный источник — генерал П. Сайкс дает совершенно аналогичную картину: «Русские и туркмены, именующие себя меньшевиками в противоположность большевикам, обратились к Великобритании за помощью для отражения общего врага и взамен согласились передать нам Красноводск»²⁾. Опуская ряд вкравшихся неточностей, вроде приписывания инициативы переворота почему-то одним меньшевикам (опуская дашнакцаканов и особенно эс-эров), а также заведомое искажение фактов (что будет указано в дальнейшем), мы все же можем отметить, что в обоих английских авторитетных источниках задача англичан в Закаспии сформулирована не как противодействие немцам или туркам, а как совершенно не прикрытая борьба с «общим врагом», т.-е. с большевиками. Ход этой борьбы происходил, повторяем, совершенно так же, как и в Закавказье, хотя, благодаря крайней скудности материалов и несообщительности ген. Маллесона (в противоположность его коллеге ген. Денстервилю), мы не можем его проследить во всех подробностях и с исчерпывающей очевидностью.

Как указывают факты, заключающиеся в объяснительной записке Фунтикова, представленной им в «Асхабадский Комитет Спасения», в пользу англичан работали те же три силы, что и в Баку: дашнакцаканская дружина, союз фронтовиков и организация эс-эров. Разница заключалась лишь в степени активности этих трех групп. В отличие от Баку, в Закаспии инициатива и руководящая роль почти целиком находились в руках эс-эров, которые не только организовали антисоветский июльский переворот в Асхабаде, но и монополизировали сношения с англичанами. Последние, к сожалению, не могут быть прослежены с достаточной полнотой, хотя общая картина их совершенно ясна. Официозная версия эс-эровских воротил из состава закаспийского правительства, а также самих англичан, конечно, утверждает, что сначала произошел переворот, вызванный «большевистскими эксцессами», а затем уже, спустя почти месяц, эс-эры надумали пригласить англичан. Помимо приведенных английских источников, такую же картину дает и В. Чайкин, преследуя, разумеется, определенную цель реабилитировать своих асхабадских товарищей по партии: «В начале августа для руководителей восстания и возглавлявшего его Временного Исполнительного Комитета Закаспийской Области стало ясно, что собственными небольшими силами, при расстроенных финансах и усиливающихся продовольственных затруднениях, они скоро окажутся не в состоянии продолжать борьбу. Тогда среди членов Исполнительного Комитета возникла поддержанная советом управляющих делами (Закаспийским Кабинетом Министров) мысль о заключении военного соглашения с великобританским правительством, в лице его мешхедского резидента генерала Маллесона»³⁾. Однако даже те явно недостаточные данные, которыми мы располагаем, целиком уничтожают эту англо-эс-эровскую версию. Как указывает главный автор переворота, организатор асхабадского стачечного комитета Фунтиков, уже в начале переворота (а не к августу, как у Чайкина) «мы прекрасно знали, что у нас этот подъем духа не надолго, а местные большевики пока только притихли». Но в этот тяжелый момент на сцену появляется лидер асхабадских эс-эров Алексей Доррер, «который был где-то в отлучке», как неопределенно указывает Фунтиков: «Благодаря Дорреру мне удалось завязать переговоры с англичанами в Персии», продолжает Фунтиков и несколько ниже повторяет: «с момента приезда Доррера к нам,

1) Encyclopedia Britannica, 32. „Persia“.

2) P. Sykes. History of Persia, т. II, стр. 496.

3) В. Чайкин. К истории Российской революции, вып. I. Казнь 26 бакинских комиссаров. М. 1922, стр. 25.

т.-е. к двум группам (союз фронтовиков и дашнакцаканская дружина), присоединилась еще группа «Туркестанский союз против германо-большевиков». Благодаря этой группе мы живо сговорились с англичанами, которые успели дать нам двадцать сипаев с пулеметами»...

Даже из этих не совсем определенных указаний мы видим, что сношения с англичанами были начаты не в августе, а буквально на другой день переворота («почти первым ко мне появился Алексей Доррер»...), что в первоначальной стадии велись они не закаспийским правительством, а эс-эровской организацией «Туркест. союз против германо-большевиков» (очевидно то-же, что боевая дружина с.-р.), которая уже до этого имела какие-то связи с англичанами, при чем в центре переговоров стоял лидер партии А. Доррер.

Но мы можем несколько прояснить эту картину подготовки английской интервенции. Прежде всего совершенно несомненно, что А. Доррер был накануне восстания не «где-то в отлучке», а в Мешхеде у ген. Маллесона, с которым, как признанный лидер эс-эров, он, очевидно, вел переговоры об оказании помощи в случае переворота. Тов. Сазонов в воспоминаниях «об асхабадском фронте» указывает по этому поводу следующее: «Еще в начале восстания Доррер был в Персии, в Мешхеде, и там, как представитель асхабадского правительства (?), вел переговоры о вмешательстве англичан и о помощи» ¹⁾. Однако даже помимо А. Доррера в распоряжении Фунтикова еще до переворота было прекрасное орудие связи с англичанами, а именно—прямой провод. Указывая на ту толчею, которая царила в первые дни после переворота, Фунтиков в уже цитированной записке замечает: «и вот изволь бросать переговоры по прямому проводу с Ташкентом, Чарджуем и англичанами» и т. д. Здесь необходимо кстати упомянуть, что уже до переворота состав закаспийских телеграфистов и телефонистов был целиком на стороне антисоветских партий. Как мы видим из этих разрозненных фактов, представляется почти очевидным, что, как и в Баку, асхабадский переворот был спровоцирован англичанами, опиравшимися на соглашательские партии и на чисто белогвардейские элементы (союз фронтовиков, вожди туркмен).

Что касается до английской интервенции на территории всего Закаспия, то она вообще предшествовала асхабадскому перевороту. Последний произошел, как известно, 16 июля, заключение договора с англичанами 19 августа, но уже весной прибывает в Энзели в распоряжение Денстервиля, отряд морской пехоты под командой командора Норриса, о котором мы будем подробно говорить в дальнейшем, а также полковник Баттин, «который, благодаря своему знанию русского языка, был назначен командовать красноводским отрядом» ²⁾. Несколько дальше указывается, что красноводское правительство, возглавляемое в это время «очень способным железнодорожным инженером Куном, придерживалось твердой антибольшевистской позиции и пользовалось репутацией англофилов... полковник Баттин работал в тесном контакте с Куном и поддерживал действия ген. Маллесона » ²⁾. Мне не удалось выяснить точное время прибытия полк. Баттина в Красноводск, но несомненно, что самое назначение его начальником красноводского отряда произошло до асхабадского переворота, и, наконец, нам известно, что уже до последнего в этом городе находились переодетые англичане.

Сопоставляя все эти факты, мы неизбежно приходим и для английской интервенции в Закаспии к тем же выводам, которые сделаны были выше для экспедиции Денстервиля в Баку, и которые в силу этого не стану

¹⁾ „Красная Летопись Туркестана“. № 1—2. ЦК КПТ. 1923 г.

²⁾ Денстервиль, указ. книга, стр. 156.

здесь повторять. Наиболее важным представляется установление того факта, что приглашение англичан в Закаспий произошло не после асхабадского переворота, а до него, в результате сношений с ген. Маллесоном, а возможно через Куна и с ген. Денстервилем, которые велись антисоветскими партиями. К сожалению, архив закаспийского правительства был предусмотрительно вывезен в 1919 г. куда-то на Северный Кавказ и там, очевидно, пропал; однако историк и непосредственный участник революционного движения в Закаспии 1918—1919 г.г. А. Мелькумов, на основании имеющихся фактов и непосредственных впечатлений, приходит к следующему выводу: «фактически, повидимому, соглашение с англичанами было достигнуто еще до закаспийского переворота, и англичане, несомненно, принимали участие в перевороте через своих агентов. Теперь шло (в августе 1918 г.) лишь оформление договора... Иначе не осмелились бы эс-эры взяться за такое рискованное дело»¹⁾.

Зато, что касается до истинных целей английской интервенции в Закаспии, то они были полностью разболтаны незадачливыми компаньонами англичан—эс-эрами. Уже возникший из недр Стачечного Комитета Исполнительный Комитет (в составе Фунтикова, А. Доррера и др.) торопится выбросить лозунг «Ташкент—Москва». В августе 1918 года при поддержке англичан формируется временное закаспийское правительство, которое обращается к населению с большой декларацией, указывающей на значение образования правительства, на методы борьбы с большевизмом и с советской властью и т. п. Полностью разоблачает политическую кооперацию англичан и соглашательских партий, направленную против Советской России, передовица в правительственном официозе «Голос Средней Азии» от 17 августа 1918 г.: «Мы твердо верим, что англичане отнюдь не удовлетворятся скромной ролью освободителей Закаспия. У них имеются безусловно более широкие задания. Наилближайшие сходятся с нашими. Наша общая задача—это уничтожение Ташкентского гнезда, освобождение дороги Самара—Красноводск от всяких пробок. Стратегическое значение этой колоссальной магистрали огромно. Ею замыкаются багдадско-английский фронт с волжско-чехословацким и уральским»²⁾. Что эта программа англичан и антисоветских партий не осталась на бумаге, свидетельствуют связи закаспийского правительства с Дутовым и Деникиным, к которому был отправлен ген. Савицкий с просьбой об оказании военной поддержки.

Практика английской оккупации Закаспия полностью оправдала надежды, возлагаемые на англичан антисоветскими партиями. Фактическим диктатором являлся, как известно, не Фунтиков и даже не С. Дружкин, а кап. Реджинальд Тиг Джонс, главный виновник расстрела 26 комиссаров. Особенно важные вопросы, впрочем, выделялись в особый список для «совместного разрешения с ген. Маллесоном», при его регулярных наездах в Асхабад. Дружеское участие англичан выражалось прежде всего в беспощадной борьбе с коммунизмом. Именно по их инициативе с этой целью был организован, напр., специальный орган, как это выясняется из официального отношения одного из членов правительства Худоложкина в Исполнительный Комитет: «Я имел беседу, через переводчика, с командным составом английской армии, имеющим достаточный опыт в этой области, и получил совет, что необходимо организовать особый секретный орган специально по борьбе с большевизмом, ибо он с каждым днем все более и более усиливается, с пунктами в Красноводске и на линии фронта... Из беседы с комиссаром по иностранным делам Зиминим выяснилось, что английское командование обещало притти к нам на помощь». Опуская

¹⁾ А. Мелькумов. „Материалы революционного движения в Туркмени 1904—1919 г.г.“ Ташкент. Истпарт ЦК КПТ. 1924. Стр. 139.

²⁾ Мелькумов. ук. кн., стр. 140.

детали этой повседневной борьбы с большевизмом, укажу, что, когда он принял угрожающие размеры, англичане не остановились перед государственным переворотом. В конце декабря 1918 г. асхабадские рабочие, давно уже разочаровавшиеся в соглашательских партиях, устраивают большой митинг (31/XII), на котором высказываются за советскую власть и прекращение войны. Власти вызывают сипаев для ареста большевиков и ликвидируют митинг. На другой день, 1/I 1919 г., он, однако, возобновляется, и тогда начальник милиции Алания разгоняет его от имени английского командования, которое публикует воззвание, запрещающее устройство собраний без ведома и разрешения английского командования, при чем за всякое нарушение порядка Тиг Джонс угрожает применением военной силы. Убедившись, что правительство Фунтикова бессильно подавить ненавистный большевизм, англичане устраивают переворот; во все правительственные учреждения вводятся караулы сипаев, члены прежнего правительства частично арестовываются, и формируется новая власть в виде «Комитета Общественного Спасения», иначе Директории, в состав которой англичане насильственно вводят палача 26 комиссаров, провокатора и шпиона С. Дружкина и черносотенного вождя туркмен Ораз Сардара. После этого водворяется та «мексиканская» эра политического террора, которую застал и описал В. Чайкин.

Если во внутренней жизни Закаспия англичане распоряжались, как в завоеванной стране, ведя, главным образом, борьбу с большевизмом, то ту же борьбу они проводили и на внешнем фронте. В отличие от ген. Денстервиля, который хотя несколько недель сражался против турок, здесь англичане за отсутствием таковых так же, как и мифических германо-австрийцев, все свои операции, кстати вначале наступательного характера, вели против туркестанских красных войск. По авторитетному указанию Фунтикова, «только благодаря сипаям у нас не получилось панического бегства из Мерва, только благодаря англичанам мы выдержали дальнейший натиск противника вплоть до отхода на Каахкинские высоты».

Лучшей проверкой этих слов является то обстоятельство, что стоило англичанам эвакуироваться из Закаспия (в конце июня 1919 г.), как тотчас же начался решительный военный разгром закаспийских войск Красной армией; уже через несколько дней пала Каахка, до этого, в течение года, преграждавшая дорогу к Асхабаду и Красноводску.

Эта открытая борьба против Советской России не мешала, впрочем, англичанам при случае лепетать, что они не желают, чтобы в Туркестане был германский сапог, и берутся отразить его, требуя лишь, чтобы им не вонзили штык в спину... (заявление английского представителя кап. Джарвиса).

Суммируя все вышесказанное, мы неизбежно приходим к выводу, что операции англичан в 1918—19 г.г. в Закаспии представляли самую циничную интервенцию в жизнь страны, внутри сводясь к свирепому, беспощадному подавлению большевизма, вовне представляя вооруженную наступательную борьбу против Советского Туркестана, с тенденцией распространить эту борьбу в сторону Самары и далее — Центральной России на соединение с уральским контрреволюционным казачеством и чехо-словаками. Лишь недостаток сил и осложнения в других пунктах Ближнего Востока помешали англичанам до конца выполнить эту программу. Характерно, что за несколько месяцев до своей эвакуации Закаспия они намеревались осуществить указанный план. Как явствует из доклада начальника действующих британских войск в Закаспии полк. Ноллиса (Knollys) в конце декабря 1919 г. на фронт прибыл ген. Битти со штабом, «в каче-

стве предвестников более крупных сил, которые было сначала предположено послать, но от чего впоследствии отказались»¹⁾.

5. Завоевание Каспийского моря

Мы уже имели случай отметить и в дальнейшем приведем новые доказательства внутренней связанности и взаимо-обусловленности тех событий, которые почти одновременно разворачивались в Персии, Баку, Афганистане и в Закаспии. Несомненно, что ни одно действие англичан не имело в то время чисто локального значения, и потому его невозможно правильно оценить, исходя лишь из местного политико-географического окружения.

Если исходить из единичных фактов, то попытка Денстервиля защитить Баку от турок получает совершенно непонятный характер, представляясь в виде какой-то бесцельной военной авантюры. В самом деле несомненно, что сам Денстервиль совершенно не верил в возможность и, быть может, целесообразность защиты Баку наличными английскими войсками. За полмесяца до отправки британских войск он обзаводится в Энзели судами «на случай эвакуации Баку». Мало того, обладая явно недостаточным числом войск, около 1.000 чел., при 2 горных орудиях и 8 бронированных автомобилях, он, как мы видели, отряжает небольшой отряд в Красноводск, и это опять-таки накануне бакинской экспедиции. Наконец, великолепно зная низкий боевой уровень бакинских (гл. обр., дашнакцанских) войск, он, будучи опытным офицером, конечно, никогда не мог допустить возможности серьезного сопротивления наступающей двенадцатитысячной турецкой регулярной армии в том случае, если к ним будут присоединены 900 англо-индийских пехотинцев. И тем не менее Денстервиль систематически обманывал антисоветские партии обещаниями значительной военной помощи и в результате решился на авантюру, которая окончилась крахом и бесславным ночным бегством из Баку английских войск.

События, происходящие в Баку, так же, как и в Красноводске, получают, однако, совершенно иной облик, если мы поставим их в связь с одной тенденцией британского империализма, которая как раз властно проявилась в этот период. Анализируя относящиеся сюда факты, мы приходим к убеждению, что операции англичан в Баку и даже в Асхабаде преследовали задачи, соподчиненные одной главной цели, а именно установлению британского господства на Каспийском море, единственном «не вспаханном» британским флотом. Эта сторона английской интервенции до сих пор мало освещена, между тем, как именно она дает ключ ко многим событиям. Приведем довольно длинный отрывок из уже неоднократно цитированного труда П. Сайкса, дающего, насколько я знаю, единственное связанное описание английских операций эпохи 1918—1919 г.г. на Каспийском море.

«Чтобы закончить отчет о британских предприятиях на северной границе Персии, необходимо отметить работу командора Д. Т. Норриса. Этот флотский офицер, с небольшой группой младших офицеров и незначительным морским снаряжением, достиг Энзели весной 1918 г. и принялся за вооружение нескольких пароходов. После эвакуации Баку он передвинулся в Красноводск и был горячо встречен меньшевиками. Он устроил из этого порта базу и продолжал вооружать коммерческие суда, так что в конце октября 1918 г. он имел 4 судна, вполне экипированных и годных к действиям. Тем временем он вступил в сношения с ген. Бичераховым, который и побудил флот Центрокаспия, бывший таким ненадежным союзником для Денстервиля, соединиться с англичанами. Соединенный флот появился

¹⁾ Military operations in Transcaspia 1918—1919 (Near East and India, 1925. 24/XII.

перед Баку 17/XI 1918 г. и завладел оставленными доками; турки эвакуировали город, который и был вновь занят британскими войсками. Вскоре после этого флот Центрокаспия, который превратился в фокус большевистских интриг и источник угроз, сделал попытку скрыться, но принужден был сдаться британцам.

«Норрис, усилившись, благодаря нескольким береговым моторным лодкам, воздушной эскадре и нескольким вооруженным коммерческим судам, начал устанавливать свое господство над Каспийским морем. Весной 1919 г., когда оттепель освободила большевистский флот в Астрахани, большая часть неприятельских судов двинулась к Александровску. Норрис появился там (21/V), и его флот, сильно поддержанный гидропланами, напал на 30 неприятельских судов, из которых 14 было выведено из строя. Большевистский флот был окончательно разбит, и до эвакуации англичан в августе и передачи флотилии русским (Деникину), задачу которых Норрис облегчил, еще более разрушив неприятельскую базу на острове Ашур-ада, британское верховенство на Каспийском море оставалось никем не оспариваемым, и блестящая страница была вписана в историю британских достижений» ¹⁾.

Пополним и попутно исправим ту картину, которую дает официальный историк английской политики на Востоке. Первыми задачами, которые должны были разрешить англичане, когда Норрис с 180 матросами и несколькими четырехдюймовыми орудиями прибыл к Денстервилю устанавливать *Rule Britannia* на Каспийском море, было приобретение теми или иными путями нескольких судов, а также захват портов для превращения их в морские базы. Англичане выполнили оба эти задания с большой ловкостью и крайней бесцеремонностью.

Если мы соединим на карте те три порта (Энзели, Баку и Красноводск), которые стремились захватить англичане, мы получим треугольник, обращенный своим острием к Персии. Свои операции на Каспийском море англичане начали с захвата вершины треугольника — Энзели, выбранного ими в качестве исходной базы. Как мы видели, там долгое время удерживалась власть Ревкома, подчиненного Баку и крайне неудобного для англичан. В виду этого Денстервиль решает увеличить там постепенно свои силы, чтобы в ближайшем будущем «сделаться господином положения». После ликвидации мешавшего англичанам Ревкома англичане приступают к овладению портом. Однако и тут мешала подозрительность моряков Центрокаспия, которыми, сокрушается Денстервиль, «захват судов и порта, при помощи военной силы, был бы истолкован в смысле политики «бронированного кулака», каковую мы за отсутствием войска проводить не имели возможности». Англичане, однако, нашли выход в виде договора, заключенного ими с портовыми властями (кстати не утвержденного Центрокаспием), в силу которого в Энзели появился английский комендант порта, и вообще «через несколько дней Энзели стал походить по своим задачам и целям на настоящий английский порт и оставался таким все время» ²⁾. Следующим шагом было получение судов, из которых можно было создать, вооружив их, военную флотилию для «господства на водах». Это было выполнено в порядке самой настоящей экспроприации. Сначала было захвачено 3 судна: «Президент Крюгер», «Або» и «Курск». «Нет необходимости описывать все подробности нашего овладения этими судами, — предусмотрительно замечает Денстервиль, — достаточно будет сказать, что центрокаспийская директория заподозрила нас в намерении дать этим судам нежелательное для них применение». Однако для осуществления «нашего глав-

¹⁾ P. Sykes. History of Persia. Гл. Британский флот на Каспийском море. Стр. 497—498.

²⁾ Денстервиль, ук. книга. Стр. 187, 186.

ного задания—господства над Каспийским морем», как без обиняков замечает Денстервиль, этих 4 судов, из которых два вдобавок находились в ненадежном Баку, было явно недостаточно. Военная экспедиция в Баку представляла для этого прекрасный случай. Немедленно по прибытии сюда Денстервиль, которого, кстати, все время торопил Норрис, обращается к директории с требованием предоставить ему несколько коммерческих судов для превращения их в боевые единицы, оперируя при этом совершенно фиктивными аргументами. Несмотря на ожесточенное противодействие со стороны каспийских моряков, соглашательское правительство все же уступило и предоставило англичанам в добавление к уже имеющимся, еще два судна: «Удача» и «Игнатий». Правда, впоследствии делались неоднократные попытки отнять эти суда, но англичане приставили к ним бессменный караул и сохранили их в своем распоряжении. Решив, наконец, покинуть Баку, англичане ночью ускользают на украденных или, по их терминологии, «захваченных судах» «Крюгере» и «Армянине», испытав артиллерийский обстрел со стороны сторожевого судна Центрокаспия, пытавшегося задержать пиратов.

Конечно, было бы известным упрощением событий об'яснить английскую экспедицию в Баку одним лишь намерением захватить несколько судов Центрокаспия, хотя этот мотив и играл весьма важную роль. Прodelывая эту авантюру, англичане, несомненно, учитывали и огромное стратегическое значение самого Баку, делающее его важнейшим портом в Каспийском море. В случае неоказания ими той или иной военной поддержки Баку, несомненно, вновь оказался бы под советским влиянием, так как в это время происходили переговоры с ненавистными большевиками, которые предлагали директории Центрокаспия образовать коалиционное правительство и снабдить город необходимыми военными материалами и воинскими силами, но при условии, что английские войска уйдут из Баку и его районов. В этом случае в бакинской гавани неизбежно появился бы астраханский красный флот, в то время неизмеримо сильнейший английского, и мечта об их супрематии на Каспийском море рушилась бы бесповоротно. Экспедиция Денстервиля, таким образом, в случае успешного, хотя и мало вероятного, исхода превращала Баку в английскую военную базу и отдавала флот Центрокаспия в их полное распоряжение; в случае неудачи, в Баку утверждались турки, которые в тот момент, несмотря на всю болтовню об «опасности Индии», были гораздо менее опасными для англичан, чем Советская власть. Что касается до флота Центрокаспия, то, как легко можно было предположить, в случае победы турок, он должен был уйти из города и рано или поздно все равно достаться англичанам, если, конечно, исключить такую маловероятную тогда возможность, как присоединение его к красному астраханскому флоту. Как мы знаем, события пошли по первому пути, и англичане, при любезном содействии Бичерахова, получили в фактическое владение всю флотилию Центрокаспия.

С точки зрения каспийских планов англичан мы должны пересмотреть и события, происходившие в то время в Закаспии. Ведь на ряду с Энзели и Баку Красноводск являлся третьим стратегическим ключом к Каспийскому морю, третьей вершиной каспийского треугольника. Англичане с большой охотой всегда подчеркивали необычайно выгодное положение этого порта, превращающее его в «ворота Центральной Азии». Неудивительно, что, как мы уже отмечали выше, английская интервенция в Закаспии началась как раз с фактического овладения Красноводском. Заключив 19 августа 1918 г. соглашение с Асхабадским правительством, англичане торопятся юридически закрепить свое положение в этом порте. Один из пунктов этого секретного соглашения указывает, что «в виду морского и специально-технического значения защиты его англичане получают здесь особые

права сравнительно с прочей территорией Закаспия»: они получают привилегию иметь свои войска, «под исключительным командованием старшего английского офицера», и т. п. В дальнейшем они получили здесь полный контроль, и ген. Маллесон неоднократно настаивал на праве англичан «распоряжаться Красноводским портом в военном отношении».

Фактически Красноводск превратился в такой же чисто английский порт, как и Энзели. Здесь безраздельно властвовал Норрис, заставляя рабочих через посредство послушного председателя «Правраскома» (Правительственного Распорядительного Комитета) Куна работать по 12 часов, 8 на транспорт и 4 на вооружение судов. Здесь, употребляя немного избитое выражение, был устроен «Каспийский Гибралтар». Против кого же была направлена эта английская гегемония на Каспийском море — этом Средиземном море для стран Средней Азии? Разумеется, не против немцев и турок, которые никогда не имели здесь ни одной фелюги, а единственно и всецело против Советской России. Главное операционное направление шло на Астрахань, и мы уже видели — англичанам удалось нанести поражение красному флоту и таким образом надолго изолировать берега Персии, Закавказья и Закаспия от большевистской опасности с моря. Недаром асхабадский орган эс-эров «Голос Средней Азии» с восторгом констатировал 23/X 1918 г., что «в Баку нет ни большевиков, ни турок, на море царствует дружественный нам английский (?) флот, угрозы со стороны Астрахани не существует; наоборот, астраханские большевики с опасением смотрят на нас и на наших союзников».

Подводя итоги вышесказанному, мы можем констатировать, что 1) англичане в 1918—1919 г.г. стремились утвердить свою военную супрематию на Каспийском море, относясь к этому, как к своей основной задаче; 2) для осуществления этого плана они насильственным путем оккупировали Энзели и по секретному договору с антисоветскими партиями превратили Красноводск в чисто имперский порт; 3) свой флот они создали путем обманного присвоения судов Центрокаспия, угона их и тому подобными типично-пиратскими способами; 4) целью этой морской интервенции являлось уничтожение, или во всяком случае максимальное ослабление, астраханского красного флота и насильственное изолирование Советской России от зон, тяготеющих к Каспийскому морю, а именно: восточного Закавказья, северной Персии и Закаспия. Недаром и Британская Энциклопедия, и П. Сайкс указывают, что одной из задач миссии Денстервиля являлось «открыть доступ к кавказским республикам».

6. Английские комбинации в Средней Азии

Чрезвычайно любопытная страничка английских операций эпохи 1918—1919 г.г. имеет отношение к Бухаре. В период военной борьбы Закаспия с Советским Туркестаном последняя получила чрезвычайно важное стратегическое значение. Несмотря на постоянное изменение фронта, можно все же принять, что с конца августа 1918 г. базой красных войск был Чарджуй. Линия снабжения их проходила, таким образом, через Бухару. Выступление последней против Советской власти отрезало бы красную армию, укрепившуюся в Чарджуе, от Ташкента, что, несомненно, не только изменило бы в благоприятном смысле положение Закаспия, но и вызвало бы падение Советской власти в Ташкенте. Кроме того, доброжелательный нейтралитет Бухары был необычайно важен для возможности получать продовольствие красной армии. Неудивительно, что англичане принимали все меры к тому, чтобы перетянуть Бухару на свою сторону. Несмотря на тайну, окутывающую сношения англичан с бухарским эмиром, мы все же знаем, что агенты Англии пытались заключить с ним друже-

ственный договор, опираясь на подкупленных сановников. Афганский посол в своем донесении в Кабул определенно указывает: «Так как прибытие англичан в Бухару и нахождение вообще Бухары под протекторатом Англии приносит большой вред для всего ислама и в особенности для Афганистана, то мною принимаются все меры к тому, чтобы помешать этой дружбе... и к тому, чтобы искоренить всякую мысль у государственных людей Бухары о возможности дружбы с англичанами»¹⁾.

Помимо дипломатических переговоров, чтобы облегчить военное выступление Бухары против советской власти, англичане снабжают ее военным снаряжением. Другой афганский агент сообщает: «Англия уже прислала 78 верблюдов, а не 200, как думали, с ружьями для Бухары. Но вместе с этим караваном прибыло десять англичан, из которых два все время находятся у эмира. Необходимо во что бы то ни стало отклонить бухарский народ от союза с англичанами, так как в противном случае это обстоятельство принесет большой вред Афганистану». Т. Сазонов в статье «Асхабадский фронт» также указывает, что эмир получил 13.000 винтовок и ящики с патронами и за это обязался выставить 40.000-ое войско и отрезать красный фронт от Ташкента²⁾. Стремясь заручиться симпатиями населения Бухары, англичане прибегали к различным мерам. Так, например они объявили, что будут менять всевозможные денежные знаки (керенки, советские) на николаевские в любом размере, если же кто пожелает, то будут выдавать чеки на банки Индии. Пытаясь спровоцировать разрыв Бухары с Советским Туркестаном, англичане побудили Закаспийское правительство сделать попытку обойти красные войска через восточную Бухару: именно эту цель преследовал налет на Керки, за которым должна была последовать попытка захвата Термеза³⁾.

Планы англичан в Бухаре окончились полным крахом. Эмир занял выжидательную, хотя и крайне двусмысленную, позицию. Он охотно принимал от англичан оружие и деньги, но одновременно продолжал продавать продовольствие красной армии, не открывая против нее открыто враждебных действий.

Тем не менее настойчивые попытки англичан создать из Бухары буферное государство под своим протекторатом, а также снабжение ее оружием для борьбы против советской власти заслуживают всяческого внимания. Ряд данных заставляет предполагать, что англичане стремились превратить весь Туркестан в вассальное государство, типа Египта или Ирака. По крайней мере, в нескольких источниках мы имеем указание, правда, глухое, о какой-то аренде, которую англичане пытались навязать закаспийскому правительству на 10—15 лет, о приезде в Асхабад агента Нобеля и пр.

7. Английская интервенция и расстрел 26 комиссаров

В предыдущем уже неоднократно указывалось на тесную связь всех контр-революционных организаций и образований, поддерживаемых англичанами. Мы уже видели тесную связь Денстервиля с Бичераховым. Опираясь на него, англичане пытались создать контр-революционное «кавказо-каспийское правительство» (в октябре 1918 г.), которое, правда, в виде чисто бутафорской организации, просуществовало вплоть до 1920 года. Чрезвычайно характерна поздравительная телеграмма ген. Маллесона, посланная по поводу образования этого правительства «в целях объеди-

1) Стембо. Указ. статья.

2) „Красная Летопись Туркестана“, 1—2.

3) Этот любопытный эпизод подробно описан в статье Волжского: „Возникновение и ликвидация Керкинских событий“ („Красная Летопись Туркестана“, 1—2).

нения всех сил, борющихся против германо-большевиков». Во время вторичной оккупации Баку англичанами кавказо-каспийское правительство, возглавляемое агентом Бичерахова эс-эром Мерхелевым, помогало англичанам при расчетах с рабочими, получая деньги с парохода «Эвелина» по визе Бичерахова. В дальнейшем, когда англичане почувствовали себя прочнее, они довольно бесцеремонно ликвидировали это кукольное правительство, выдав Мерхелеву за услуги 40.000 рублей николаевскими. Несколько забегаю вперед, укажу, что две недели спустя англичане таким же путем «рассчитали» и Бичерахова, отправив его под охраной в Батум и далее в Англию. Однако в конце мировой войны, когда турки овладели Баку и Дагестаном и заставили Бичерахова пересечь на пароход, обе эти силы были нужны англичанам. С другой стороны, и Бичерахов и, разумеется, кавказо-каспийское правительство были тесно связаны с асхабадским правительством и в особенности с Красноводском. Отсюда англичане везли на Северный Кавказ снаряды и оружия, получая взамен зерно.

Еще теснее была, разумеется, связь Красноводска с Баку. Все деятели английской интервенции постоянно обменивались деловыми визитами. В начале августа 1918 г. приезжает в Баку Тиг Джонс, которого диктаторы Центрокаспия чествуют банкетами и речами. Мы уже знаем, что полковник Баттин был направлен в Красноводск Денстервилем и являлся посредствующим звеном для связи с Маллесоном. 29 августа он приезжает в Баку на совещание с Денстервилем, который в это время обдумывал план двинуться, после предвиденного им уже тогда падения Баку, на Красноводск, «дабы возобновить свои дальнейшие операции в Туркестане, базируясь на Красноводске». Несомненно, что на этих совещаниях вырабатывалась программа ближайших действий в Баку и Закавказье. Деловая связь между Баку и Красноводском была настолько тесна, что они даже обменивались «политическими преступниками». Тотчас же после образования диктатуры Центрокаспия красноводский правраском, Кун, кстати, сам часто наезжавший в Баку, потребовал от нее выдачи для «народного суда» трех большевиков, посланных еще при Советской власти для различных закупок; диктатура Центрокаспия, конечно, без колебаний выполнила это требование.

Все эти факты весьма важны для понимания некоторых обстоятельств, сопровождавших убийство 26 комиссаров.

Та версия, которую по этому поводу сообщает Денстервиль, отличается необычайной лаконичностью и крайней неточностью: «Шаумян и Петров были посажены в городскую тюрьму (после попытки прорваться в Астрахань). Они были отпущены на свободу в день падения Баку, после чего отправились с небольшой группой своих приверженцев в Красноводск. К несчастью для них, в то время большевики были очень непопулярны в этом городе и вся их партия была расстреляна»¹⁾. При чтении этих строк сразу бросается в глаза подчеркнутая искусственная неосведомленность автора, который не мог, конечно, не знать, что 26 были расстреляны вовсе не в Красноводске и не по почину властей этого города, а по директивам англичан и Асхабада. Наоборот, представляется вполне вероятным, при наличии отмеченной постоянной кооперации между Баку и Красноводском, что 26 комиссаров были провокационным образом отправлены англичанами в Красноводск, где уже имелись инструкции относительно расправы над ними. Несмотря на показное равнодушие Денстервиля, С. Шаумян и его товарищи были слишком крупными и опасными фигурами в той игре, которую в то время вел английский империализм, чтобы он решился выпустить их из своих когтей. Ликвидировать их в Баку англичане не решались, боясь реакции со стороны бакинских рабочих, которые уже

¹⁾ Денстервиль, ук. кн., стр. 216.

в период диктатуры Центрокаспия несколько раз выбирали С. Шаумяна и др. в Совет, несмотря на то, что они сидели в тюрьме. Предать же их военному суду, как мы знаем из показаний следователя тогдашней чрезвычайной следственной комиссии Жукова (сделанных на процессе Фунтикова), не удалось, хотя соответствующая попытка и была сделана (в сер. сентября). Денстервиль не мог не знать, что именно С. Шаумян являлся наиболее убежденным противником английской интервенции, предсказывавшим, как раз накануне ее наступления, что «Баку будет собственностью англичан с того момента, когда английские технические силы будут представлять здесь значительную величину», что англичане непременно попытаются низвергнуть советскую и пролетарскую власть, опираясь на антисоветские силы и т. п.¹⁾ Выпускать такого опасного врага на свободу явилось бы отступлением от испытанной тактики английского империализма.

Тактика англичан и заключалась в том, что они подстроили отправление 26 именно в Красноводск, где уже имелись инструкции на будущее. Неслучайно, накануне падения Баку, здесь оказался Кун, который вернулся в Красноводск незадолго до привоза 26 комиссаров. На пароходе «Туркмен», который вез последних, ехали почему-то два английских офицера, разумеется прекрасно знавшие маршрут «Туркмена». Всему вышесказанному вполне соответствует обстановка прибытия 26 в Красноводск. Согласно показаниям бывшего начальника красноводской милиции Алания, едва «Туркмен» вечером прибыл в порт, как было отдано приказание усиленно охранять весь берег, чтобы комиссары не могли скрыться; охрана состояла из чинов милиции, солдат и туркмен. На берегу Уфры были расставлены пулеметы и береговая английская батарея. После этого на катере Бугас отправляется на «Туркмен» Алания с известным уже нам Баттиным производить аресты комиссаров²⁾. Все эти приготовления были бы совершенно непонятны, если бы красноводские власти не знали, кто прибыл. Совершенно исключительная по размерам мобилизация вооруженных сил получает смысл лишь при предположении, что англичане прекрасно знали заранее о прибытии парохода с комиссарами, а также об огромном политическом значении последних.

Наконец, в следственных материалах по делу Фунтикова имеется телеграмма Куна Бичерахову, предлагающая предать бакинских комиссаров военно-полевому суду.

8. Размах и общий характер английской интервенции 1919 г.

Мы уже имели немало случаев убедиться в огромном размахе английской интервенции, которая в 1918 г. происходила на Кавказе, в Средней Азии и на Каспийском море. Особенно усилилась английская интервенция в 1919 г., после окончания мировой войны, когда эвакуация турецких войск дала возможность англичанам вновь вернуться в Баку. Как известно, свое появление в Закавказье англичане официально объясняли желанием обеспечить эвакуацию турецких и немецких войск. Однако уже первая прокламация ген. Томсона (19/XII 1918 г.), превратившегося в генерал-губернатора Баку, возвещала, что «союзники не могут возвратиться к себе домой, пока не восстановят порядка в России».

После этого мы видим фактическую военную оккупацию всего Закавказья, но, и это очень характерно, исключительно по линии транскавказской ж. д. магистрали.

¹⁾ С. Шаумян, ук. кн., стр. 218.

²⁾ Каэм. „Английская политика в Туркестане в эпоху гражданской войны в России“. „Военная Мысль“. (Ташкент, 1921. Кн. 3).

В этот период (1919 г.) величайшего под'ема английского империализма мы видим, как радикально меняется, расширяется самое содержание их интервенции. Если мы соединим на карте пункты, занятые в то время англичанами, а именно: Константинополь, Батум, Тифлис, Баку, Красноводск, Асхабад, то мы убедимся, что они стремились создать в то время великую имперскую магистраль, ведущую из Средиземного моря вглубь Средней Азии. Уже отмеченные операции англичан в Бухаре, с этой точки зрения, преследовали цель создания буферного государства, призванного охранять новую имперскую магистраль с востока.

Не останавливаясь на подробностях, укажу, что английская оккупация носила черты самого беззастенчивого колониального режима. Первым шагом, проведенным ими в Баку, было введение военного положения, телесных наказаний, смертной казни, запрещение стачек, собраний, требование выдачи оружия и т. п. Лишь героическое сопротивление бакинского пролетариата, ответившего на английские эксцессы трехдневной забастовкой, заставило их отменить или значительно смягчить перечисленные меры. В дальнейшем мы видим самое бесцеремонное хозяйничанье в жизни Азербайджана. Для управления судами организуется английское морское транспортное управление, при чем под шумок каспийское пароходство «Кавказ и Меркурий» покупается лондонской финансовой группой. Нефтяная промышленность, разумеется, денационализируется, создается «Британская нефтяная администрация», после чего начинается бешеный вывоз нефтепродуктов через Батум. Если прежде этот вывоз равнялся 3—6 млн. в год, то в 1919 г. англичане догнали его до 20,6 млн. пудов. Характерно, что, вывозя за бесценок огромное количество нефтепродуктов, англичане ни за что не хотели оплачивать акциз и вывозные пошлины. Зато «у себя» в Батуме, они установили специальную ввозную пошлину, уплата которой являлась предварительным условием на право получения склада для нефти. Всякую оппозицию своим требованиям англичане подавляли чрезвычайно оригинальным способом: они временно приостанавливали работу керосинопровода, нанося таким образом огромные убытки бакинской промышленности. Если мы присоединим сюда присвоение всех ценностей Бакинского отделения Русского Государственного Банка, мы получим общую картину экономики английской оккупации¹⁾.

Аналогичную картину мы видим в Батуме. Весной 1919 г. английский крейсер «Тезей» высаживает в Батуме три английских батальона по 500 человек каждый, а также выгружает артиллерию. Генерал-губернатором делается ген. Кук Коллис, после чего в городе водворяется полная доминация англичан, продолжающаяся больше года (до 7/VII 1920 г.). Выбросив лозунг «no authority to stay in Batoum»²⁾, англичане начинают всецело хозяйничать в городе. Они визируют паспорта, досматривают приходящие, даже французские суда и т. п. На мирной конференции они поднимают, но неудачно, вопрос о превращении Батумской области в свободное государство, с правом пользования портом для трех закавказских республик. С населением англичане поступали, понятно, самым бесцеремонным образом: через своих агентов они создали совет, фиктивно представляющий все группы населения и призванный помогать английскому ген. губернатору. Когда жители Кобулет отказались принять уполномоченных этого совета, то туда был назначен комиссаром белогвардейский полковник, пришедший вместе с ротой сипаев.

Даже после эвакуации войск из Закавказья (в ноябре 1919 г.) англичане остались в Батуме. «В видах пользы и благосостояния города

¹⁾ А. А. Попов. Из эпохи английской интервенции в Закавказье. Журн. „Пролетарская Революция“. 1923. №№ 6—9.

²⁾ E. Lesueur. „Les anglais en Perse“, 1924.

Батума» они даже распустили городскую думу и назначали управу под председательством английского офицера.

В политической жизни остального Закавказья период английской оккупации означал эпоху резкого обострения национальных противоречий и необычайного развития государственного партикуляризма ¹⁾. Выступая охотно в благородной роли третейских судей, англичане передавали Армениии заведомо мусульманские территории и обратно, вызывая в результате кровавые столкновения и целые войны. Всякое действие населения, противоречащее английским планам, тотчас же свирепо ликвидировалось. В начале 1919 г. была сделана попытка создать самостоятельное государство Юго-Западного Кавказа с центром в Карсе. Англичане немедленно посылают в Карскую область английского офицера в качестве губернатора, когда же самочинно образуется парламент (шура) Юго-Западного Кавказа, то англичане вооруженной рукой распускают его, арестовывают 35 человек и отправляют их на Мальту.

Политика англичан в этот период в Закавказье носит совершенно обдуманый характер, притом направленный против Советской России. Искусственно обостряя национальные противоречия, они усиливали раздробление Закавказья на ряд мелких шовинистически настроенных государств, больше всего противящихся обратному воссоединению с Россией, да еще вдобавок революционной. Попутно с этим англичане организовали на этой территории и прямую вооруженную борьбу против Советской России. В Баку под их крылышком устроился штаб русских белогвардейцев, возглавляемых ген. Эрдели, Пржевальским и др., открыто занимавшихся вербовкой офицеров в Деникинскую армию. Совершенно аналогичную картину мы видим в Батуме, превратившемся при англичанах в гнездо добровольческой армии, а также в Эривани.

Крайние северные петли английской интервенционистской сети лежали на Северном Кавказе. Денстервиль указывает, что майор Роландсон, прикомандированный сначала к Бичерахову, был отправлен затем «со специальным поручением на Северный Кавказ». Позже аналогичные английские агенты имели «специальное поручение» всячески поддерживать Деникина в его борьбе против горцев Северного Кавказа и Дагестана. На заседании в марте 1919 г. деникинцев с представителями Чечни начальник британской военной миссии Бригс дает чеченцам добрый совет «помочь Деникину в его борьбе с большевиками, прекратить междоусобицу, дать возможность исправить железную дорогу и т. п. и не верить ложной пропаганде» ²⁾. Когда Деникин вторгается в Дагестан и захватывает Петровск, то английский представитель при горском правительстве успокаивает последнее, что Деникин на Дагестан не пойдет, но добровольческая армия «временно» будет пользоваться пунктом Шамиль Кале (Петровск), как базой для переброски войск на Астраханский фронт для подавления большевиков.

Если мы добавим, что при содействии англичан были налажены связи между закаспийским правительством и Дутовым, мы получим представление о грандиозном размахе английской интервенции 1918—1919 г.г.

В заключение остается ответить на один вопрос, который до сих пор в литературе не получил удовлетворительного разрешения. Под давлением каких обстоятельств англичане, добившись с таким трудом политической и военной супрематии в Закавказье, на Каспийском море и в Закаспии, во второй половине 1919 года почти целиком покидают эти

¹⁾ См. мои статьи в Больш. Сов. Энцикл.: „Азербайджан“ и „Армянский вопрос“, а также P. G. Chasnais. Les peuples de la Transcaucasie pendant la guerre et devant la paix. 1922.

²⁾ В. Апухтин. Материалы о гражданской войне в Чечне в 1919 г. „Новый Восток“. № 8—9.

территории? Несомненно, что для объяснения этого феномена мы должны привлечь ряд причин. Необходимо помнить, что именно этот период ознаменовал высшую точку британского влияния на Ближнем Востоке. С Персией Англия заключила в августе 1919 г. договор, превращавший эту страну фактически в британскую колонию. В Турции Англия накапливала силы для разгона парламента и военной оккупации Константинополя, что и было сделано в начале 1920 года. Наконец, с Афганистаном был заключен договор в Равваль Пинди (1919 г.), окончательно ликвидировавший угрозу Индии с этой стороны. Английское дело на Востоке казалось консолидированным, и угроза со стороны Советской России уже не представлялась такой реальной, как в 1918 году.

Дальнейшая, дорого стоящая оккупация Закавказья и Закаспия была бы для Англии целесообразной, если бы она могла в той или иной форме установить над ним свой протекторат. Мы знаем, что на Парижской конференции Англия действительно добивалась получения мандата на все Закавказье, но наткнулась на сопротивление Франции и других держав, испугавшихся перспектив столь грандиозного усиления своего «союзника».

Наконец, одной из главных же причин ухода Англии из оккупированных территорий было то обстоятельство, что она считала их достаточно обеспеченными от большевистской заразы, благодаря добровольческой армии, которая как раз в это время достигла крупных успехов. Вместо того, чтобы самой проделывать дорогостоящую интервенцию, она предоставила выполнять это Деникину, продолжая ему, конечно, оказывать материальную и военную помощь. Великая имперская магистраль, созданная Англией, явилась одновременно как бы гигантской осью для всей южной контрреволюции. Опираясь на нее, получив Каспийский флот, заняв на Кавказе те позиции, которые были заранее приготовлены англичанами, Деникин со своей армией казался тем надежным барьером, который отгородит навсегда революционную Россию от стран Ближнего Востока. Телеграмма союзного верховного комиссара Деникину (2/XII 1919 г.), в связи со слухами о его наступлении на Баку, хорошо знакомит нас с этими английскими настроениями: «Мирные условия уже установлены на Кавказе, большевизм подавлен, и существующие правительства разрешают свои разногласия мирным путем и арбитражем».

Тов. Чичерин, подчеркивая эту причину эвакуации англичанами Закавказья, указывает, что осенью 1919 г. Ллойд Джордж на одном банкете утверждал, как аксиому, что в России проходит черта между Южной и Центральной Россией, и ни та ни другая не могут перейти ее и завоевать одна другую; по словам Ллойд Джорджа, для Англии это очень хорошо, потому что это означает ослабление того векового врага, с которым Англия всегда боролась, и осуществление того, о чем мечтал Биконсфильд¹⁾. Разгром добровольческой армии смыл этот барьер, на который возлагала такие упования Англия, а советизация Закавказья и Закаспия вновь приблизила ненавистную для нее Советскую Россию к заповедным границам Турции, Персии и Афганистана. Интервенция 1918—1919 г.г. оказалась битой картой.

¹⁾ Тов. Чичерин. Речь на праздновании 25-летия бакинской организации РКП („Известия ЦИК СССР“, 7/V, 1924 г.).